

Я скинула пальто, положила в него краденое добро и вбежала к Анне Андреевне.

- А я сейчас встретила Платона Каратаева.

- Расскажите...

"Спасибо, спасибо", - повторяла она. Это относилось к нарбившему дрова. У нее оказалась картошка, мы ее сварили и съели.

Никогда не встречала более кроткого, непритязательного человека, чем она...

...В Ташкенте она звала меня часто с ней гулять. Мы бродили по рынку, по старому городу. Ей нравился Ташкент, а за мной бежали дети и хором кричали: "Муля, не нервируй меня". Это очень надоело, мешало мне слушать ее. К тому же я остро ненавидела роль, которая дала мне популярность. Я сказала об этом Анне Андреевне. "Сжала руки под темной вуалью" - это тоже мои Муля", - ответила она. Я закричала: "Не кошунствуйте!"

...У нее был талант верности. Мне известно, что в Ташкенте она просила Л. К. Чуковскую у нее не бывать, потому что Лидия Корнеевна говорила недоброжелательно обо мне.

...Часто замечала в ней что-то наивное, это у Геня, очевидно, такое свойство. Она видела что-то в человеке обычном - необычное или наоборот.

Ахматова не любила двух женщин. Когда о них заходил разговор, она негодовала. Это Наталья Николаевна Пушкина и Любовь Дмитриевна Блок. Про Пушкину она даже говорила, что та - агент Дантеса.

...Мне думается, что так, как А. А. любила Пушкина, она не любила никого. Я об этом подумала, когда она, показав мне в каком-то старом журнале изображение Дантеса, сказала: "Нет, вы только посмотрите на это!" Журнал с Дантесом она держала, отстраняв от себя, точно от журнала исходило зловоние. Таким гневным было ее лицо, такие злые глаза... Мне подумалось, что так она никого в жизни не могла ненавидеть.

Ненавидела она и Наталью Гончарову. Часто мне говорила это. И с такой интонацией, точно преступление было совершено только сейчас, сию минуту.

Говорит, что не хочет жить, и я ей абсолютно верю. Торопится уехать в Ленинград. Я спросила: "Зачем?" Она ответила: "Чтобы нести свой крест". Я сказала: "Несите его здесь". Вышло грубо и неловко. Но она на меня не обижается никогда.

Странно, что у меня, такой сентиментальной, нет к ней чувства жалости или участия. Не шевелятся во мне к ней эти чувства, обычно мучающие меня по отношению ко всем людям с их маленькими несчастьями.

...Не встречала никого пленительной, ослепительной Пастернака. Это какое-то чудо. Гудит, а не говорит, и все время гудит, что-то читая...

Люди, дающие наслаждение, - вот благодать!

Борис Пастернак слушал, как я читаю "Беззащитное существо", и хохотал по-жеребачьи. Анна Андреевна говорила: "Фаина, вам 11 лет и никогда не будет 12. А ему всего 4 годика".

Из дневника Анны Андреевны: "Теперь, когда все позади - даже старость, и остались только дряхлость и смерть, оказывается, все как-то, почти мучительно, проясняется: люди, события, собственные поступки, целые периоды жизни. И сколько горьких и даже страшных чувств". Я написала бы все то же самое. Гений и смертный чувствуют одинаково в конце, перед неизбежным.

Будучи в Ленинграде, я часто ездила к ней за город, в ее будку, как звала она свою хибарку...

Читаю этих сволочных вспоминаятльниц об Ахматовой и бешусь. Этим стервам охота рассказать о себе. Лучше бы читали ее, а ведь не знают, не читают.

А. А. с ужасом сказала, что была в Риме в том месте, где первых христиан вытаскивали к диким зверям. Передаю неточно, - это было первое, что она мне сказала. Говорила о том, что в Европе стихи не нужны, что Париж изгажен тем, что его отмыли. Отмыли от средневековья.

5 марта 10 лет нет ее, - к десятилетью со дня смерти не было ни строчки. Сволочи.

Меня спрашивают, почему я не пишу об Ахматовой, ведь мы дружили...

Отвечаю: не пишу, потому что очень люблю ее.

Читаю дневник Маклая, влюбился и в Маклая, и в его дикарей.

Я кончаю жизнь банально-стародевически: обожаю котенка и цветочки до страсти.

...Вот что я хотела бы успеть перечитать: Руссо - "Исповедь", Герцен - "Былое и думы", Толстой - "Война и мир", Вольтер - "Кандид", Сервантес - "Дон-Кихот". Данте. Всего Достоевского.

"Души же моей он не знал, потому что любил ее". Толстой.

Узнала сейчас в газете о смерти Ольги Берггольц. Я ее очень любила. Анна Андреевна считала ее необыкновенно талантливой.

Так мало в мире нас осталось, что можно шепотом произнести забытое, людское слово "жалость", чтобы опять друг друга обрести.

О. Берггольц

Ахматова говорила: "Беднягушка Оля". Она ее очень любила.

Все мы виноваты и в смерти Марины (Цветаевой). Почему, когда погибает Поэт, всегда чувство мучительной боли и своей вины? Нет моей Анны Андреевны, - все мне объяснила бы, как всегда.

Ночью читала Марину - гений, архигениальная, и для меня трудно и непостижимо, как всякое чудо.

Есть имена, как душевые цветы, и взгляды есть, как пляшущее пламя.

Есть тонкие извилистые рты

С глубокими и влажными углами.

Есть женщины, их волосы, как шлем,

Их веер пахнет гибелью и тонко.

Им тридцать лет. Зачем тебе, зачем

Моя душа - Спартанского ребенка.

Марина Цветаева

Я помню ее в годы первой войны и по приезде из Парижа. Все мы виноваты в ее гибели. Кто ей помог? Никто.

А. А. часто повторяла о Бальмонте: он стоял в дверях, слушал, слушал чужие речи и говорил: "Зачем я, такой нежный, должен на это смотреть?"

Великая Марина: "Я люблю, чтобы меня хвалили до-олго".

"Невинные души сразу узнают друг друга". Андерсен.

Сейчас слушала "Карнавал" Шумана по радио. Плакала от счастья. Пожалуй, стоить жить, чтобы такое слушать.

Стук в дверь. Утро раннее, очень раннее. Вскрываю в ночной рубашке.

- Кто там?

- Я, Твардовский. Простите...

- Что случилось, Александр Трифонович?

- Откройте.

Открываю.

- Понимаете, дорогая знаменитая соседка, я мог обратиться только к вам. Звоню домой - никто не отвечает. Понял - все на даче. Думаю, как же быть? Вспомнил, этажом ниже - вы. Пойду к ней, она интеллигентная. Только к ней одной в этом доме. Понимаете, мне надо в туалет...

Глаза виноватые, как у напроказившего ребенка. Потом я кормила его завтраком. И он говорил: почему у друзей все вкуснее, чем дома?

...И еще. Приехал из Италии. "Вы, конечно, начнете сейчас кудахтать: ах, Леонардо, ах, Микеланджело. Нет, дорогая соседка, я застал Италию в трауре. Скончался Папа Римский. Мне сказали, что итальянские коммунисты плакали, узнав о его смерти. Мы с товарищами решили поехать к Ватикану, но не смогли добраться, т. к. толпы народа в трауре стояли на коленях за несколько километров". И тут он мне сказал:

- Мне перевели энциклику Папы. Ну, какие же у нас дураки, что не печатали ее.

Сказал это сердито, улыбаясь Папе, который призвал братьев и сказал им: "Братья мои, я ничего вам не оставляю, кроме моего благословения, потому что я из этого мира ухожу таким же нагим, каким я в него пришел".

Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунищенки, терплю и буду терпеть до конца дней. Терплю даже Завадского. Наплевать, разгильдяйство, распухенность, неуважение к актеру и зрителю. Это сегодня театр - развал.

Режиссер - обыватель.

Стыдно публики. Никого из "деятель"

лей"-коллег ничего не волнует. Конечно мое существование на помойке, т. е. в театре Завадского.

Недавно перечитывала "Осуждение Паганини". Какой ерундой все это представляется рядом с травлей этого гения. (Свердловск, август 1955 года)

Говорят, черт не тот, кто побеждает, а тот, кто смог остаться один. Меня боится.

Завадскому снится, что он уже похоронен на Красной площади.

Пипи в трамвае - вот все, что сделал режиссер в искусстве.

Блядь в печкочке.

Вытянутый в длину лилипут.

Мне непонятно всегда было: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства.

В театре небывалый по мощности бардак, даже стыдно на старости лет в нем фигурировать. В городе не бываю, а больше лежу и думаю, чем бы мне заняться постыдным. Со своими коллегами встречаюсь по необходимости с ними "творить", они все мне противны своим цинизмом, который я ненавижу за его общедоступность...

В старости главное - чувство достоинства, а его меня лишили.

Прислали на чтение две пьесы. Одна называлась "Витаминчик", другая - "Куда смотрит милиция?".

Потом было объяснение с автором, и, услышав меня, он грустно сказал: "Я вижу, что юмор вам недоступен".

"То, что писатель хочет выразить, он должен не говорить, а писать". Э. Хемингуэй.

То, что актер хочет рассказать о себе, он должен сыграть, а не писать мемуаров. Я так считаю.

Среди моих бумаг нет ничего, что бы напоминало денежные знаки.

Долгов - 2 с чем-то тысячи в новых деньгах. Ужас, - одна надежда на скорую смерть.

...Живу в грязном дворе, грохот от ящиков, грязь. Под моим окном перелачный пункт, шум с утра до ночи.

Куда деваться летом? Некому помочь.

..Поняла, в чем мое несчастье: я, скорее поэт, доморощенный философ, "бытовая дура" - не ладу с бытом!

Деньги мешают и когда их нет, и когда они есть.

У всех есть "приятельницы", у меня их нет и не может быть. Вещи покупаю, чтобы их дарить. Одежду ношу старую, всегда неудачную. Урод я.

Как унижительна моя жизнь.

"Успех" - глупо мне, умной, ему радоваться. Я не знала успеха у себя самой... Одной рукой щупает пульс, другой играет...

Тамара (Калустьян) рассказывала:

"Ее знакомый князь Оболенский отсидел в наказание за титул, потом работал бухгалтером на заводе. Выйдя на пенсию, стал сочинять патристические советские песни, которые исполняет с хором старых большевиков, - поет соло баритоном, хор вторит под сурдинку. Успех бурный. Князь держится спокойно, застенчив, общий любимец хора. Аристократ!"

"У души нет жопы, она выстраться не может" - это сказал мне Чагин со слов Горького о Шаляпине, которому сунули валерьянку, когда он волновался перед выходом на сцену. Он рассказал о деловом визите к Горькому. Покончив с делами, Г. пригласил Чагина к обеду. Столовая была полна народа. Горький наклонился к Чагину и сказал ему на ухо: "Двадцать жоп кормлю!"

У моей знакомой две служивицы: Венера Пантелевна Солдатова и Правда Николаевна Шаркун.

А еще: Аврора Крейсер. В Одессе, в магазине шляп: "Соня, посмотри, эта дама богиня?" Соня: "Форменная богиня". "Эта шляпа делает вам счастье". В Столешниковом: "Маня, отпусти даме шляпу".

Маня: "Не могу, я сегодня на кепках".

Еще осенний лес не жалок, еще он густ и рыж и ал.

Стихи молодого поэта из Тулы (по радио). О Бог мой, за что мне такое! Народ у нас самый даровитый, добрый и совестливый. Но практически как-то складывается так, что постоянно, процентов на восемьдесят, нас окружают идиоты, мошенники и жуткие дамы без собачек. Беда!

...Торговали душой, как пуговицами.

Кто-то заметил: "Никто не хочет"

слушать, все хотят говорить". А стоит ли говорить?

Сняли на телевидении. Я в ужасе: хлопочу мордой. Надо теперь учиться заново, как не надо.

Открыла ящик. Выступал поэт 1 мая 78 года. Запомнила: "Чтоб мой ребенок не робел при виде птиц на небосклоне". И прочие подобные желания, кои не запомнила. О, Господи! За что!

Видела гнусность: "Дядя Ваня" - фильм. Все как бы наизнанку. Бездарно. Нагло, подло, сделали Чехова скучнейшим занудой, играют подло.

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки... Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

Я не знаю системы актерской игры, не знаю теорий. Выдаю прощ! Есть талант или нет его. Научиться таланту невозможно, изучать систему вполне возможно и даже приятно, может быть, потому мало хороших в театре.

"Усвоить психологию импровизирующего актера - значит найти себя как художника". М. Чехов. Следуй его заветам.

Болею, сердце, 76 год, холодный май.

Невоспитанность в зрелости говорит об отсутствии сердца.

Странно - абсолютно лишенная (тени) религиозной, я люблю до страсти религиозную музыку. Гендель, Глюк, Бах!

...Наверное, я чистая христианка. Прощая не только врагов, но и друзей своих.

"Перед великим умом склоняю голову, перед Великим сердцем - колени". Гете.

И я с ним заодно. Раневская. Из Парижа привезли всю Тэффи. Книг 20 прочитала. Чудо, умница.

Перечитываю Бабеля в сотый раз и все больше и больше изумляюсь этому чуду убиенному.

80 лет - степень наслаждения и восторга Толстым. Сегодня я верю только Толстому. Я вижу его глазами. Все это было с ним. Больше отца - он мне дорог, как небо. Как князь Андрей. Я смотрю в небо и бываю очень печальна.

"Чем труднее положение, тем меньше надо действовать". Толстой.

"Писать надо только тогда, когда каждый раз, обмакивая перо, оставляешь в чернильнице кусок мяса". Толстой.

"Прозящему дай". Евангелие. А что значит отдавать и не просящему? Даже то, что нужно самому?

...Сейчас, когда так мало осталось времени, перечитываю все лучшее и конечно же "Войну и мир". А войны были, есть и будут. Подлое человечество подтерлось гениальной этой книгой, наплевало на нее.

Перечитываю уход Толстого у Бунина. ..."Место нечисто ты есть дом". Так говорил Будда.

После того как все домработницы пошли в артистки, вспоминаю Будду ежесекундно!

Сказано: сострадание - это страшная, необузданная страсть, которую испытывают немногие. Покарал меня Бог таким недугом.

...Сострадаю Толстому, да и Софье Андреевне заодно. Толстому по-другому, ей тоже по-другому...

В общем, "жизнь бьет ключом по голове" - так писала восхитительная Тэффи.

Более 50 лет живу по Толстому, который писал, что не надо вкусно есть.

...Он мне так близок, так дорог, так чувствую его муки, его любовь, его одиночество... Бедный, ведь он искал смерти - эти дуэли...

...Мальчик сказал: "Я сержусь на Пушкина, няня ему рассказала сказки, а он их записал и выдал за свои". Прелесть! Но боюсь, что мальчик все же полный идиот.

...На ночь я почти всегда читаю Пушкина. Потом принимаю снотворное и опять читаю, потому что снотворное не действует. Я опять принимаю снотворное и думаю о Пушкине. Если бы я его встретила, я сказала бы ему, какой он замечательный, как мы все его помним, как я живу им всю свою долгую жизнь... Потом я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идет с тростью по Тверскому бульвару. Я беру к нему, кричу. Он остановился, посмотрел, поклонился и сказал: "Оставь меня в покое, старая ба... Как ты"

надоела мне со своей любовью".

Принесли собаку, старую, с перебитыми ногами. Лечили ее добрые собачьи врачи. Собака гораздо добрее человека и благороднее. Теперь она моя большая и, может быть, единственная радость. Она сторожит меня, никого не пускает в дом. Дай ей Бог здоровья!

Мучительная нежность к животным, жалость к ним, мучаюсь по ночам, к людям этого уже не осталось. Старух, стариков только и жалко никому не нужных.

Меня забавляет волнение людей по пустякам, сама была такой же душой. Теперь перед финишем понимаю ясно, что все пустое. Нужна только доброта, сострадание.

...Весна в апреле. На днях выпал снег, потом вылезло солнце, потом спряталось, и было чувство, что у весны тяжелые роды.

Книжку писала три раза, прочитав, вала.

Женщина в театре моет сортир. Прошу ее поработать у меня, убирать квартиру. Отвечает: "Не могу, люблю искусство".

Соседка, вдова моссветовского начальника, меняла румынскую мебель на югославскую, югославскую на финскую, нервничала. Руководила грузчиками... И умерла в 50 лет на мебельном гарнитуре. Девчонка!

"Глупость - это род безумия". Это моя всегдашняя мысль в плохом переводе. Бог мой, сколько же вокруг "безумцев"!

Старость - это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Господи. Уже все ушли, а я все живу. Бирман - и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела. А только начинаешь жить!

...Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести.

...У них у всех друзей такие же, как они сами, - контактные, дружат на почве поупоку, почти живут в комиссионных лавках, ходят друг к другу в гости. Как завидую им, безмозглятам!

Весны не было, лета не было. Сажу в Москве - отпуск, скоро ему конец. Скоро конец и мне.

Как жестоко наказал меня "создатель" - дал мне чувство сострадания. Сейчас в газете прочитала, что после недавнего землетрясения в Италии, после гибели тысяч жителей, случилась новая трагедия: снежная буря. Высота снега до шести метров, горы снега обрушились на дома (очевидно, где живет беднота) и погребли под собой все. Позвонила Н. И., рассказала ей о трагедии в Южной Италии и моем отчаянии. Она в ответ стала говорить об успехах своей книги!

...Как же мне одиноко в этом страшном мире бед и бессердечия. Если бы на всей планете страдал хоть один человек, одно животное, - и тогда я была бы несчастной, как и теперь.

Кто бы знал, как я была несчастна в этой проклятой жизни со всеми моими талантами.

Недавно прочитала в газете: "Великая актриса Раневская". Стало смешно. Великие живут как люди, а я живу бездомной собакой, хотя есть жилище! Есть прилюдная собака, она живет моей заботой, - собакой одинокой живу я, и недоложу, слава Богу, осталось. Мне 85 лет.

У меня два Бога: Пушкин, Толстой. А главный? О нем боюсь думать.

Увидела на балконе воробья - клевал печенью. Стало нравиться жить на свете. Глупо это...

Для некоторых старость особенно тяжела и трагична. Это те, кто остался Томом и Гекки Финном.

...У меня хватило ума глупо прожить жизнь. Живу только собой - какое самоограничение.

...Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

"Я Бог гнева! - говорит Господь" (Ветхий Завет). Это и видно!!!

А может быть, поехать в Прибалтику? А если я там умру? Что я буду делать?